

Участие туркменских кавалеристов в военно-политических событиях 1914-1918 гг. на территории западных губерний Российской империи

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar
написано kitapcy | 23 января, 2025

Участие туркменских кавалеристов в военно-политических событиях 1914-1918 гг. на территории западных губерний Российской империи
УЧАСТИЕ ТУРКМЕНСКИХ КАВАЛЕРИСТОВ
В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ 1914–1918 гг. НА ТЕРРИТОРИИ
ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Мировые войны XX века не обошли стороной и туркменский народ. По воле судьбы его доблестные сыны приняли непосредственное участие в Первой мировой войне, где не щадя собственной жизни героически сражались против соперниц Российской империи.

Несмотря на очевидные исторические факты, в советское время участие туркмен в Первой мировой войне, однако, не освещалось в национальной исторической науке и было предано забвению. Тому были свои причины. В то время Первая мировая война считалась войной империалистической; а с другой стороны, летом 1917 г., будучи личной охраной Верховного главнокомандующего русских войск генерала Л.Г.Корнилова, Текинский конный полк, сформированный из туркмен Закаспийской области, поддержал мятеж своего «Улы Баяра» (Великого Бояра) – так почтительно именовали его джигиты

полка – против Временного правительства, а потом и власти большевиков.

В 1992 г. на основе доступных материалов нами была

опубликована небольшая брошюра, посвященная Текинскому конному полку[1], и несколько статей. Однако впоследствии, во время работы в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), автором были обнаружены новые ценные документы, отражающие участие туркмен в Первой мировой войне, что делает актуальным возврат к заявленной нами теме.

Начало службы туркмен в русской армии уходит своими корнями к концу XIX в., когда туркменская земля была полностью завоевана Россией. 5 мая 1881 г., то есть через четыре месяца после окончания Геоктепинской битвы[2], была сформирована временная Ахалтекинская конная милиция из туркмен Ахала. После присоединения в 1884 г.

Мервского оазиса к России генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков издал приказ набрать два эскадрона из мервских туркмен. 24 февраля 1885 г. – дата официального рождения нового воинского подразделения: Туркменской конной милиции (в составе трехсот всадников), куда вошли лучшие джигиты из ахалцев и мервцев. 19 декабря того же года подразделению был вручен штандарт: на желтом полотнище перекрещиваются две красные полосы, и в середине надпись черными буквами «ТРК».

7 ноября 1892 г. Туркменская конная милиция была преобразована в Туркменский конно-иррегулярный дивизион, которым командовал подполковник П.П.Калитин[3]. Дивизион был хорошо обученным и надежным воинским соединением, которое часто

привлекали к выполнению ответственных боевых и оперативных задач. Начиная с 1901 по 1911 г. дивизион находился на севере Ирана, где выполнял охранные, возможно и разведывательные, функции[4]. 30 января 1911 г. он был переименован в Туркменский конный дивизион[5].

С первых дней после начала Первой мировой войны царская администрация стала формировать в Кеши (под Ашхабадом) на базе Туркменского конного дивизиона полноценный боевой полк[6]. Формировался полк исключительно на добровольной основе из туркмен и на их же средства. Это было специально отмечено Николаем II[7].

По данным, выявленным в РГВИА, 21 октября 1914 г. Туркменский

конный полк состоял из четырех эскадронов, в нем насчитывалось 627 всадников, 2 штаб-офицера, 15 обер-офицеров[8]. На фронте Туркменский конный полк вошел в состав 1-го Туркестанского армейского корпуса 1-й армии, командующим которой был генерал П.К.Ранненкамф. В конце сентября – начале октября 1914 г. Туркменский конный полк и 5-й Сибирский казачий полк под командованием полковника Дроздовского составили отряд корпусной конницы.

С первых месяцев войны туркмены участвовали в боевых действиях. В декабре 1914 г. от одного из всадников, находившихся в действующей армии, в

Ашхабаде была получена открытка следующего содержания: «Слава Богу, туркмены поддержали свое имя и показали, что существует народ – туркмены. Наш эскадрон показал себя на деле»[9].

Первый серьезный бой, в котором приняли участие джигиты, – это сражение на переправе у австрийской деревни Грушки 29 октября 1914 г. Туркменский

конный полк должен был поддерживать отряд полковника Вейля. С большим трудом стрелковые части преодолели болотистую местность, заняв деревни Гротхен и Зверинец.

Однако немцы подвезли из Сольдау два эшелона с пехотными частями, полевую и дальнобойную артиллерию, в результате чего Вейль отдал приказ об отходе. Не имея возможности ввести в бой конные подразделения, полковник Дроздовский на всем пути отступления разослал конные разъезды для охраны путей и наблюдения за фланговыми позициями. В полдень от одного из разъездов было получено донесение, что у деревни Длутово был замечен противник. Желая предупредить удар неприятеля в тыл частям 1-го Туркестанского корпуса, командир полка отправил туда два эскадрона всадников. Ко времени прибытия джигитов в деревню Длутово противник в количестве одного

эскадрона и стрелковой роты оставил село и отошел к деревне Ницке. Подполковник Чернов приказал 4-му эскадрону преследовать противника. У деревни Низнь командир эскадрона штабс-ротмистр Трушковский повел джигитов в атаку. Однако немцы, используя укрытия, открыли ураганный огонь. Сопровождавший туркмен казачий разъезд уклонился от атаки,

джигиты же атаковали противника так стремительно, что немцы не успели нанести им какой-либо урон – никто в этом бою не пострадал[10].

Несмотря на то что практически все офицеры полка были русскими, они очень хорошо относились к рядовым джигитам. Тем же им отвечали и джигиты полка. По

свидетельству полковника В.А.Арона, «отношения между всадниками и офицерами были самые хорошие, сердечные: «текинцы» относились к своим офицерам с полным доверием и звали их «боярами»»[11]. «Джигиты своим видом, дисциплиной и оригинальностью костюма сразу привлекли внимание всех чинов штаба, – вспоминал другой офицер полка Хан Хаджиев. – ...Красивые загорелые лица под большими черными папахами ежеминутно улыбались во время разговоров с чинами штаба, показывая ослепительно белые зубы. Услужливые, внимательные и на редкость симпатичные туркмены быстро завоевали симпатию всех чинов штаба...»[12.]

15 ноября Туркестанская бригада продолжала вести бои на фронте Злаков – Костельны – Ретки. В это же время Туркменский конный полк находился рядом, в деревне Коршницы, производил разведку на флангах позиции и нес службу связи с соседними частями.

Высланный в 4 ч. 30 мин. на разведку поручик С.Овезбаев доложил командиру полка, что в районе деревни Соколов противник опрокинул части 13-й Сибирской стрелковой дивизии и что там идет штыковая схватка, слышны стоны и крики, в тылу атакованных частей паника. Ввиду прорыва полку было отдано приказание положить на седла вьюки и запрячь обоз. Штандарт и обоз полка были отправлены под прикрытием 3 взводов 1-го эскадрона. Остальные эскадроны собирались к южной окраине деревни Коршницы. Со стороны шоссе раздавались выстрелы, было ясно, что противник обнаружил пребывание всадников полка в деревне. В это время прискакали несколько разведчиков, доложив, что по шоссе двигаются немцы. Ротмистр Эргардт, эскадрон которого стоял у северной окраины деревни, спросил у командира полка разрешения атаковать противника в конном строю.

Не имея возможности вследствие темноты точно определить место

нахождения врага, командир полка решил атаковать его двумя эскадронами у другой окраины деревни. Со стороны шоссе противник открыл по деревне частый ружейный огонь. Около шоссе слышался топот скачущих всадников. В это время с южной окраины деревни подъехали несколько всадников, у которых сзади седла сидели еще по джигиту: это оказались раненые и потерявшие лошадей во время атаки, произведенной 2-м эскадроном. Из расспросов выяснилось, что 2-й эскадрон атаковал роту немцев и артиллерию, что всадники много рубили и взяли пушку и пулемет, но потеряли двух офицеров[13].

17–19 ноября русское и германское командования предпринимали попытки провести перегруппировку своих сил и нащупать слабые места в обороне противника.

В итоге главный удар немцы нанесли между городами Лодзь и Лович, где русских войск еще не было. В результате к 22 ноября немцам удалось окружить Лодзь с запада, севера и востока; но вскоре под угрозой окружения оказались сами немцы, которые слишком далеко углубились в позиции Русской армии. С юга по ним нанесла удар подошедшая 5-я армии генерала П.Плеве, с запада – 2-я армия под командованием генерала С.Шейдемана, а с востока – Ловичский отряд. В это же время Туркменский конный полк разгромил германскую пехоту под деревней Дуплице-Дуже[14]. В итоге в ночь на 23 ноября ударная группа немецкой армии получила приказ на отступление и, потеряв убитыми и пленными 70 % личного состава, все же смогла прорваться на север. Отвага туркменских всадников не могла остаться незамеченной. Известный со времен Русско-японской войны, корреспондент Ф.Купчинский в ноябре 1914 г. в «Петроградском курьере» опубликовал статью «Храбрые туркмены». Статья была перепечатана в местной русскоязычной газете «Асхабад», а ее перевод на туркменском языке – на страницах «Закаспийской туземной газеты». Купчинский писал: «В бою под Сольдау, на германской земле, впервые видел новые конные части нашей армии из туркмен. В громадных папах и халатах, на которых так странны погоны и кривые дореформенные сабли, они так похожи на каких-то древних монголов-воителей: полудикие на вид, стройные, темно-смуглые, на стройных, нервных и сухих лошадях,

на седлах с круглыми чепраками красного цвета, вышитыми яркими шелками... Их появление всюду производит фурор и обращает всеобщее внимание... Не признают рыси – только галоп и карьер или мелкий шаг: ровный, в котором сидят как вкопанные в конские спины, ровно, стройно, красиво, заставляя всякого собою любоваться. Про них кругом и солдаты говорят: «Дикие, а как ездят!». Они охотно покупают у местного населения продукты и аккуратно до педантизма со всеми расплачиваются»[15].

А ведь прошло всего пару месяцев, как туркмены прибыли на фронт. Уже 17 ноября 1914 г. на имя полковника Дроздовского поступило донесение, в котором, в частности, говорилось: «Унтер-офицер пошел вдоль опушки, обошел кругом и прошел по мосту, где рубили ваши туркмены; и говорит, что он усыпан трупами и раненых, по его словам, очень много. Я должен сказать, что благодаря атаке туркмен мы смогли только унести себя»[16].

Речь шла о знаменитом бое, о котором писал 23 ноября 1914 г. в «Русском слове» военный корреспондент В.И.Немирович-Данченко: «Перед боем у Ловича из Осмолина и Жихлина неприятель сосредоточился в Кернове и 16 ноября в тумане двинулся на нас. Немцам удалось, таким образом, незаметно добраться до Дуплиц. В мгlistой дали этот маневр был замечен одной из среднеазиатских кавалерийских частей, на высокие боевые качества которой указывал еще М.Д.Скобелев. В настоящую войну эта конница своей порывистой и неодолимой отвагой не раз сбивала с толку германцев, не считавших такие удары возможными...»[17].

Видимо, о бое у Дуплице рассказывается в открытке одного из джигитов полка, полученной в Асхабаде в декабре 1914 г.: «Слава Богу, туркмены поддержали свое имя и показали себя на деле. Мы в ночь с 15 на 16 ноября атаковали неприятельскую пехоту, и этой атакой их задержали на 5 часов, вследствие чего свободно ушли все обозы. Эскадрон взял в эту ночь 5 пулеметов, 1 зарядный ящик и 5 лошадей. У них страшный урон, по рассказам местных жителей»[18].

Следует отметить, что ратные подвиги туркменских джигитов были достойно отмечены командованием. За два с половиной месяца

участия туркмен в боевых действиях на германском фронте 67 всадников были награждены Георгиевскими крестами, свыше 70 чел. – орденами Св. Станислава и Св. Анны разных степеней, а также медалями[19]. По архивным данным, уже к концу 1914 г. более четверти всадников полка были награждены Георгиевскими крестами и медалями. Известно, что в Асхабад за конским снаряжением в августе 1915 г. прибыли два джигита, имеющие Георгиевские кресты всех четырех степеней[20]. В боях с немцами и австро-венграми отличились Б.Менглиханов, А.Ходжамамедов, Г.Абаев, М.Халмурадов, Дженг Дурдыев и другие, подвиги которых высоко были отмечены командованием. Чтобы увековечить ратные подвиги своих земляков, начальник Закаспийской области генерал Калмаков издал специальный приказ. В нем он сообщал, что «более четвертой части всадников полка удостоились на полях сражений получить боевые награды, я убежден, что и остальные всадники полка и запасного эскадрона заслужат такие же награды, сокрушая воюющих с нами немцев, а туркмены далекой Закаспийской области гордятся своим полком, отличившимся в войне с врагом»[21].

В конце декабря 1914 – начале января 1915 г. Туркменский конный полк из состава Северо-Западного фронта был переведен в Юго-Западный, где русское командование планировало провести крупную операцию в районе Карпатских гор с целью выхода на Венгерскую равнину и вывода Австро-Венгрии из войны.

В феврале 1915 г. на крайний левый фланг Юго-Западного фронта было переброшено несколько корпусов, образовавших 9-ю армию генерала Лечицкого. Сюда же был переброшен и Туркменский конный полк, который вошел в состав 32-го армейского корпуса 9-й армии[22]. Однако сражение в Карпатах принесло огромные потери для обеих сторон, но не дало стратегических результатов ни одной из них.

В конце марта 1915 г. в составе 32-го армейского корпуса был сформирован Санкауцкий отряд, командующим которым был назначен командир Туркменского конного полка полковник Н.Дроздовский. Действиями Санкауцкого отряда руководил штаб Новоселицкого отряда. В состав Санкауцкого отряда кроме Туркменского конного полка входили еще несколько войсковых частей[23].

На Карпатском направлении туркменские конники противостояли австро-венгерским войскам. В это же время противник, находившийся против Новоселицкого отряда, куда входил и Санкауцкий отряд, занимал укрепленную позицию в районе Буковины. Правее Санкауцкого отряда, в состав которого входил Туркменский конный полк, действовал 3-й кавалерийский корпус; левее – отряд генерал-майора Мунте, занимавший правый фланг главной позиции. Туркменский конный полк действовал на правом фланге в зависимости от ближайших частей 3-го конного корпуса, которым командовал генерал Келлер[24]. Являясь корпусным авангардом, разъезды и наблюдательные посты Туркменского конного полка часто вступали в стычки с передовыми отрядами австрийцев.

В один из мартовских дней 1915 г. разъезд под командованием юнкера К.Ниязова попал под обстрел австрийцев – лошади дозорных пали, и юнкер бросился на помощь, но был ранен, а лошадь убита. Как говорится в донесении командира 1-го эскадрона полка ротмистра Ораза Берды, «правый дозорный всадник Г.Махсутов, заметив трудное положение юнкера, поскакал к нему на помощь и преодолел снежные сугробы, отдал юнкеру своего коня, а сам с всадником Молла Ниязовым пешком продолжал отходить. Их преследовали 18 пехотинцев и шесть кавалеристов, на предложение сдаться все отвечали, как юнкер, так и всадники, огнем»[25]. Означенные всадники командованием были представлены к наградам.

В начале 1915 г. от джигита Хыдыркули Юсуп-оглы пришло письмо, в котором он с гордостью рассказывал своим родным о битвах с австрийцами и германцами. К письму Хыдыркули приложил стихи. Стихи всадника были обнаружены и прочтены автором этих строк на страницах «Закаспийской туземной газеты»[26], а текст на русский язык был переведен О.Гундогдыевым[27]. Вот несколько строк из этого стихотворения:

...Нам с Родины чай и набат[28] присылали:

Бодры и живы все туркмены.

Немцев-врагов мы уничтожали,

Увидимся ли еще, друзья, мы с вами?

*Наши враги на нас пришли,
С именем Аллаха на них мы пошли,
5–10 орудий и тридцать коней
захватили мы,
На этом поле, друзья, удостоились
высокого звания мы.*

В 1915 г. русские войска в основном вели тяжелые оборонительные бои. В мае-июне 1915 г. полк принимал участие в отражении германо-австрийского наступления на реках Буг и Висла, и в одном из боев всадники полка взяли в плен 150 австро-венгерских солдат и офицеров и захватили одно орудие. 31 мая 1915 г. командир 3-го эскадрона ротмистр Трушковский просил командира полка выделить дополнительно 15 всадников для конвоирования 150 пленных венгров, захваченных в бою у деревни Строинцы[29].

9 июля 1915 г. командиром Туркменского конного полка был назначен полковник С.П.Зыков.

Конечно, на войне не обходилось без потерь. Во фронтовых донесениях имеются сведения о раненых, погибших и попавших в плен всадниках. В одном из донесений командира полка Дроздовского за 1915 г. упоминается об «общей незначительной убыли – около 40 человек убитыми и ранеными». 3 января 1915 г. в бою был убит всадник 2-го эскадрона М.Кулов, уроженец Асхабадского уезда. К сожалению, были и нелепые смерти: 2 февраля того же года угорели и умерли три всадника. В феврале 1915 г. были отправлены в Черновцы раненые всадники Г.Гельдыев, Д.Култыев, Ч.Артыков, Б.Аман Геленов, К.Сейитниязов.[30] Тогда же в Асхабад прибыли 4 раненых всадника.

Получив тяжелые ранения под Дуплице-Дуже в Польше, они долгое время лечились в Петроградском лазарете, откуда были отправлены в отпуск.

Некоторые джигиты Туркменского конного полка испытали на себе горечь вражеского плена. Нами установлены имена нескольких всадников, попавших в плен.

Один из них – Алланур Овезниязов, уроженец села Кара-Яб

Мервского уезда, который, будучи раненым, попал в плен к австрийцам. Выявлено архивное сведение о том, что 5 марта 1915 г. «у деревни Веренчонка был ранен всадник Ала-Нур-Овез-Ниязов и убита его лошадь. Вследствие сильного огня противника раненого подобрать не оказалось возможным»[31]. Сохранилась открытка от Овезниязова родным из Австрии с известием о том, что он находится в плену. На конверте имеется штамп «10.11.1918». Вот что написано на конверте:

«...Письмо от сына вашего Алланура здоровств... мая дорогая мамаша посылаю сырдычной привит еще всем братьям сырдычной привит увидимлау вас я нахожусь в плене Австрорвенгрия пришлти деньги сколько нибуд посилька табака и прочий затим досвидания остаюсь жив и здоров того вам же пишите...»[i][32].

В плен попал и другой уроженец Мервского уезда Реджеп Сарыев, который, как и его земляк А.Овезниязов, содержался в лагере для военнопленных недалеко от чешского города Егер. В 1916 г. в лагерь, в котором содержался всадник, приехал известный австрийский музыковед, поэт и композитор Роберт Лах. Целью приезда композитора в лагерь была запись национальных песен пленников. Из уст Сарыева он записал на фонографические пластинки 6 туркменских песен. Данный сборник был обнаружен туркменским ученым академиком М.Соеговым, который и перевел содержание песен, размещенных в сборнике, с арабской графики (с использованием уже имеющейся в книге транскрипции на латинице) на кириллицу, снабдив подстрочными переводами на русский язык[33]. Для примера приводим один куплет из этого сборника в переводе, сделанном Соеговым[34]:

[i]Моя Айджемал – высокой цены,
Подкова ее туфли из золота,
Наступает уже время ее прихода,
Приходи ко мне ты со звонами своих украшений, Айджемал!

Если не считать событий, связанных с прибытием на фронт взвода всадников из Асхабада в августе месяце 1915 г., то мы уже с июля и до конца декабря 1915 г. практически ничего не знаем о джигитах. Видимо, это было

связано с общими неудачами русских войск, которые начали совместное отступление.

Говоря о 1916 г., следует отметить, что этот год начался радостным событием для джигитов Туркменского конного полка. В первых числах января на фронт вместе с эшелоном пополнения к Туркменскому конному полку с письмами и подарками прибыли старшины и управители нескольких аулов и волостей Асхабадского уезда Закаспийской области. Командующий 9-й армией генерал П.А.Лечицкий гостеприимно принял туркменских старшин, после чего они были награждены золотой и серебряной медалями «За усердие»[35]. А весной 1916 г. в жизни полка произошло еще одно важное событие: встреча с самим русским царем Николаем II, который в конце марта посетил части 9-й армии.

29 марта Николай II провел смотр войск на большом Хотинском поле в Бессарабии. В параде принимал участие весь 3-й кавалерийский корпус графа Ф.А.Келлера, где в одной шеренге с русскими кавалеристами стоял и Туркменский конный полк.

Здесь туркменские всадники впервые воочию увидели русского царя, что произвело на них большое впечатление. Описывая это событие, бывший офицер 10-го гусарского Ингерманландского полка 10-й кавалерийской дивизии Георгиевский кавалер Юрий Слезкин впоследствии писал: «Знойным востоком пышет от обугленных солнцем текинских всадников в ярких халатах, высоких белых папахах, с кривыми, как полумесяц, «клычами» на боку; и как прекрасны их благородные текинские жеребцы!»[36]

Около 9 часов утра Николай II, прибыв на Хотинское поле, объехал все части корпуса, в том числе и Туркменский конный полк. Под звуки своих полковых маршей полк за полком начали проходить перед русским царем ряды русской конницы. «Но самым ярким, красочным пятном, – отмечает Слезкин, – были бронзовые всадники Текинского полка, как бы составлявшие одно целое со своими тонконогими красавцами-жеребцами, которые, отделяя длинные хвосты и как бы не касаясь земли копытами, проходят мимо Державного вождя»[37]. О фронтовом осмотре частей 9-й армии упоминается и в дневнике самого императора: «Всю ночь и весь день дул шторм и налетали шквалы с градом и дождем. В 9

час. сел с гр[афом] Фредерикс[ом] в мотор и отправился через знакомый мне Кам[енец]-Подольский по шоссе через Днестр и гор. Хотин верст за пять. Там на отличном поле состоялся смотр: 11-му арм[ейскому] и 3-му кавал[ерийскому] корпусам, свод[ному] батальону от 12-го арм[ейского] корпуса, 2-му Екатеринодарскому п[олку] и Туркменскому кон[ному] полку (выделено нами. – Д.А.). Все войска представились в превосходном виде...»[38].

31 марта там же в Хотине Николай II за ратные подвиги туркмен повелел «полку именоваться впредь Текинским конным полком»[39], так как подавляющее большинство всадников полка являлись представителями туркменского племени теке, населяющего Асхабадский, Мервский и Тедженский уезды Закаспийской области. Однако следует отметить, что на службе в Текинском полку состояли представители и других туркменских племен (**салоры, иомуды, сарыки, эрсары, нохуры** и др.). В Хотине некоторые всадники получили высокие государственные награды от рук самого царя.

В феврале 1916 г. германское командование, посчитав русскую армию неспособной вести серьезные наступательные операции, бросило основные силы на французские войска. По просьбе союзников русское командование разработало план наступления, основная тяжесть которого легла на войска Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А.Брусилова.

К маю 1916 г. 9-я русская армия, штаб которой находился в городе Каменце-Подольском, располагалась на позиции от Латач на Днестре до Бойян на Пруте, на фронте протяжением около 90 км. Прорыв на главном направлении должен был произвести 11-й армейский корпус генерала М.А.Баранцева; дивизии же 12-го корпуса, который также входил в состав 9-й армии, предназначались для развития возможного успеха. Для усиления конницы 9-й армии Текинский конный и 2-й Екатеринодарский казачий полки были приданы 11-му армейскому корпусу (до этого Текинский полк входил в состав 32-го армейского корпуса той же армии⁴⁰), 2-й Кубанский казачий полк – 12-му корпусу, Крымский конный полк подивизионно – 33-му и 12-му корпусам. Как писал военный историк полковник Базаревский: «Армейскую конницу

составляли дивизии: 1-я Донская казачья, 10-я кав[алерийская], Туземная кавказская (сформированная в начале войны и обученная слабо; в пешем бою сражаться она не хотела), 1-я Терская казачья льготная. Последняя была второочередной и не обладала в полной мере качествами, необходимыми для современной конницы. Лучше других были Текинский и Крымский (выделено нами. – Д.А.) конные полки и отчасти 10-я кав[алерийская] дивизия»[41].

Согласно плану генерала Брусилова, 22 мая 1916 г. русские войска перешли в наступление и 25 мая заняли город Луцк. Главный удар войск 9-й армии приходился в направлении деревни Доброноуц силами 11-го армейского корпуса, в резерве которого стоял Текинский конный полк.

28 мая 1916 г. произошло крупное сражение у деревни Доброноуц, когда 9-я армия Юго-Западного фронта разбила австро-венгерскую армию генерала Пфланцера-Балтина.

30 мая в Асхабаде было передано сообщение Верховного главнокомандующего Николая II, в котором говорилось о доблести джигитов Текинского конного полка. Со всех ближайших аулов в город приехали родственники всадников, ожидая телеграмм[42].

Доброноуцкий бой был ярко описан в июне 1916 г. одним из корреспондентов центральной газеты «Вечернее время». Статья была перепечатана на страницах областной газеты «Асхабад». Вот небольшая выдержка из нее: «...На многие десятки верст разогнали текинцы большие силы австрийцев, уложили 2 000 и взяли в плен более 3 000»[43]. Луцкий прорыв обещал полный разгром противника. Однако штаб Юго-Западного фронта сразу не смог дать себе отчета ни в размерах одержанной его армиями победы, ни в степени разгрома неприятеля. Как отмечал А.А.Керсновский, «превосходная конница Юго-Западного фронта осталась неиспользованной. Из 13 дивизий была использована лишь одна (9-я у Порхова) – и как раз на труднейшем участке. В какой триумф превратилась бы наша победа, кинься IV и V конные корпуса – 20 тысяч шашек (и каких шашек!) – преследовать наголову разбитого врага под Луцком! И уцелел бы из разгромленной армии Пфланцера хоть один человек, если бы вместо одного Текинского полка ее стал бы рубить весь III

конный корпус графа Келлера?»[44].

4 июня 1916 г. на рассвете Юго-Западный фронт под командованием генерала Брусилова переходил в наступление на врага. К началу наступления 11-й армейский корпус (Текинский конный полк стоял в резерве командующего корпусом) занимал тринадцатикилометровый фронт южнее р. Днестр от деревни Онут до Доброноуц.

Командир 11-го армейского корпуса получил приказ атаковать противника, прорвать его укрепленную позицию в районе Нахорлоуц, Доброноуц, развивая успех в направлении Юркоуц.

10 июня 1916 г. 11-я пехотная дивизия генерала Бачинского, в тылу которой стоял Текинский конный полк, взяв высоту 272, продолжила наступление. По достижении ею линии отметки 246 на западной окраине Влайко перед ней неожиданно появились густые цепи противника силой до двух полков. При поддержке сильного артиллерийского огня они направились к высоте 272. Артиллерия русских молчала, так как происходила смена огневых позиций. При этих условиях в рядах 11-й пехотной дивизии началось заметное

замешательство[45].

Командующий 11-м корпусом генерал Баранцев, израсходовавший к этому моменту весь свой резерв, видимо, опасался за исход боя в этом районе и сомневался в возможности удержаться на высоте 272. Единственной свежей частью, находящейся в его распоряжении, был Текинский конный полк, который о моменте действий должен был получить указания от начальника 12-й дивизии. Так как к этому времени его полки уже сломили сопротивление австрийцев, то он отдает распоряжение командиру Текинского полка Зыкову идти вперед для развития успеха[46.]

Джигиты Текинского конного полка, имея 360 всадников на добрых конях, идут в Черный Поток. Там они проходят через укрепленные полосы, в колонне по одному. Около 13 часов полк разворачивается на широком фронте вследствие наличия в районе многих окопов и проволоочных заграждений и полевым галопом идет восточнее, а частью – западнее Похорлоуц и по самому селению на Юркоуц, пока в тылу 12-й дивизии, не зная еще, с каким противником придется иметь дело[47]. Миновав 12-ю дивизию,

джигиты Текинского полка в районе молочной фермы у деревни Юркоуц неожиданно встречают упомянутые густые цепи австрийцев, внезапно атакуют их в конном строю и создают в их рядах неописуемую панику; захватывают 1.500 пленных, сорвав австрийскую контратаку[48].

После этого Текинский конный полк направился дальше на юг, преследуя остатки 8-й кавалерийской, 51-й гонведной[49] и 42-й гонведной дивизий, бегущих на юг; а частью – на запад к Валяве. Противник оказался в крайне тяжелом положении, тем более что район Валява был загромажден в панике бегущими обозами. Однако атаку туркмен отбивает саперная рота, открывшая с северо-восточной окраины деревни Валявы по ним шквальный огонь. Джигиты, стесненные в своих действиях проволочными заграждениями и окопами тыловой позиции, отбрасываются этим огнем в болотистое пространство северо-восточнее Валявы. Но полки 11-й и 12-й дивизий, ободренные успехом и атакой туркменских всадников, которую все они наблюдали; забыли об усталости, потерях и бодро шли вперед, тесня остатки 9-й бригады 5-й пехотной дивизии, отходящие на Боянчук[50]. Начальник штаба 11-го армейского корпуса 10 июня телеграфировал в штаб 9-й армии и спрашивал: «Нет ли свободной кавалерийской дивизии под рукой? Трофеи могут быть очень большие, противник в полном беспорядочном отступлении и только держится на высоте 458 и южнее. Текинцы работают отлично, но их мало»[51].

В бою 10 июня в районе деревни Юркоуц

Текинский конный полк понес существенные потери.

В полку были убиты 2 офицера и 16 всадников, контужены 3 офицера и ранены 42 всадника, лошадей убито 59 и ранено 47, т. е. полк потерял 18 % людей и 59 % лошадей[52]. Пал смертью храбрых любимец туркменских джигитов, молодой штабс-ротмистр А.В.Мединский. Тяжелое ранение получил командир полка Зыков. Об этом мы читаем и в письме императрицы Александры Федоровны Николаю II: «Командир текинцев Зыков ...лежит у нас. Он был ранен в ногу во время их блестящей кавалерийской атаки. На нем постоянно их крошечная шапочка (речь идет об огромной бараньей шапке Зыкова. – Д.А.). Очень интересно все, что он

рассказывает. Он сильно оглох от контузии, кроме того, у него расширение сердца»[53].

К началу операции в составе 9-й армии имелось 5 кавалерийских дивизий. Вся эта конница, казалось, могла принять самое деятельное участие в преследовании сильно надломленных австрийцев. Однако, как писал Базаревский, «...кроме Текинского кон[ного] полка и конно-артиллеристов, с пользой для дела развивших успех, но не имевших возможности по своей слабости достичь крупных оперативных результатов; вся армейская конница – 4 кав[алерийские] дивизии – бездействовала... Некоторым показателем неудачного управления конницей, которая редко бывала там, где по обстановке ей следовало быть, являются успешные атаки текинцев и орудийного расчета конно-горной батареи. Результат их действий, особенно последних, в ходе операции был незначительный. Но представить себе, что могло бы получиться, если бы здесь были кавалерийские дивизии, нетрудно»[54].

Одержав блестящие победы, к середине июня 1916 г. Русская армия прорвала фронт противника. Австрийцы понесли огромные потери – около 1,5 млн чел. убитыми, ранеными и пленными. Знаменитый Брусиловский прорыв поставил Австро-Венгрию на грань катастрофы. Была спасена от разгрома Италия, выправили свое положение Франция и Англия, на сторону Антанты перешла Румыния. Однако успех Юго-Западного фронта не был поддержан другими русскими фронтами. Германия успела перебросить с запада большие силы, в результате чего война приобрела затяжной позиционный характер, что привело Русскую армию к развалу и в конечном итоге – к падению Российской империи.

Текинский полк был одной из немногих воинских частей Русской армии, не подвергшихся моральному разложению. И не последнюю роль в этом играли

офицеры-туркмены, а особенно подполковник Ораз Берды, официально числящийся сердаром[55] полка[56.] Следует отметить, что кроме должности сердара в полку были утверждены также должности муллы и сейиса (тренера лошадей). Известно, что сейисом полка был Мухат-ага – отец известных туркменских композиторов, народного артиста СССР В.Мухатова и народного

артиста Туркменской ССР Н. Мухатова.

Февральскую революцию полк встретил на австрийском фронте. В начале марта 1917 г. на офицерском собрании полка были зачитаны акт об отречении Николая II и указы Временного правительства. Офицеры и джигиты были страшно сконфужены. Даже рядовые всадники говорили о том, что в опасные для России дни совершилось предательство; туркмены решили не уходить с огневых позиций. В конце марта командиром полка была получена телеграмма, сообщающая о приезде комиссаров, в присутствии которых джигиты должны были присягнуть Временному правительству. Taryhy makalalar